

БОРИС КУРКИН

ТЕМА ЧУДА В ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА “БОРИС ГОДУНОВ”

Есть в “Борисе Годунове” тема, о которой практически не принято говорить с самого момента его выхода в свет. И это несмотря на то, что у Пушкина она звучит во весь голос. Это тема чуда, точнее, чудес, совершающихся в “пространстве” произведения.

Чудеса, описанные Пушкиным в “Борисе Годунове” (беседа умирающего царя Феодора с “мужем светлым”, нетленные мощи убиенного царевича, прозрение старца по молитве Димитрию) – это прямое указание на сосуществование и проявление взаимодействия двух миров: духовного (“тонкого”) и земного, горнего и дольного. И не только в “пространстве” его трагедии, но и в нашей с вами практической повседневной жизни. Соответственно, история предстаёт в трагедии не только и не столько в виде комбинаций и некой равнодействующей человеческого своеволия в форме столкновения и взаимодействия социально-политических сил (“самости”, на языке православных богословов), а в виде Провидения, то есть осуществления Промысла Божьего.

И нет ничего удивительного в том, что русские дореволюционные и советские авторы сознательно замалчивали тему чуда в “Борисе Годунове”. Но если умалчивание столь важного аспекта трагедии в советские времена можно отнести на счёт государственной политики атеизма, то объяснить игнорирование этой темы подданными православного царя невозможно иначе, как их убеждённости в “несущественности проблемы” и внутренним неприятием всякого рода “поповских сказок”, а также следованием идейной моде дореволюционной поры, господством позитивизма в науке, атеистичного по своей природе.

Таким образом, понимание и трактовка трагедии напрямую зависят от того, как смотреть на всё происходящее в трагедии: в свете Евангелия или через оптику исторического позитивизма, истмата. Религиозное и материалистическое прочтение трагедии дадут два совершенно разных результата, даже если интерпретировать её социально-политические аспекты.

Во втором варианте для исследователя останется закрытым источник всего происходящего и сущего – воля Божия во всей её непостижимости.

Нельзя сказать, чтобы отечественные исследователи вообще замалчивали тему чуда в “Борисе Годунове”, но освещалась она вскользь, почти с усмешкой. Первое, что приходило им на ум, это реализация пушкинского

требования к драматургу “воскресить минувший век во всей его истине”. Именно для этого, отвечал на наш вопрос А. А. Карпов. Развивая свою мысль, он утверждал, что “христианская мифология”, “фольклорные образы и формулы” используются в “Борисе Годунове” с целью раскрытия душевных состояний героев произведения. Тем самым, чудесам отводилась чисто иллюстративная функция, а сами они объявлялись художественным вымыслом.

Между тем, Пушкин настолько точно и верно следовал букве и духу русских источников, что это дало ряду критиков повод упрекать его в “иллюстративности”, а саму трагедию рассматривать как род бытописательства.

Пытались ответить на вопрос о смысле и значении чудес в трагедии американский автор Ф. Раскольников и израильский автор И. Серман. Чудеса для первого – выражение представлений Пушкина о жизни и истории как об иррациональном процессе (вещие сны Бориса и Самозванца, старца в монологе Патриарха, явление “мужа светла” Феодору и его смерть, “трепетанье” мёртвого Димитрия, рассказ Шуйского о нетленном трупе царевича, рассказ Патриарха о чудесном прозрении старца)¹, а для второго – изображение Пушкиным иррациональности сознания русского человека с его вечной надеждой на чудо и отсутствия у него (и по сию пору!) способности трезво смотреть на себя и своё собственное положение².

Тезисы двух авторов не проясняют, но ещё более затемняют суть вопроса и требуют разъяснения понятий “рационального” и “иррационального” в первом случае и комментариев относительно чудес, описанных в трагедии, помимо народной веры в чудесное спасение царевича, – во втором. Серману, кажется, даже не приходило в голову, что вера русского человека в Самозванца как подлинного Димитрия могла быть обусловлена не верой его в чудо воскресения из мёртвых, а вполне земными причинами, например, подменой Царевича. Да так, собственно, русские люди и думали.

В целом вопрос о смысле и значении чудес в трагедии носит основополагающий, мировоззренческий характер. Пушкин, в сущности, не выдумывал чудеса, о которых говорилось в его трагедии: о них повествовали летописи, жития святых и иные источники XVII века, которые поэт изучал самым серьёзным образом.

Уже в самом начале “Бориса Годунова” Пимен наставляет Григория:

*Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему **свидетель в жизни** будешь:
Войну и мир, управу государей,
**Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны...***

Тон задан: свидетельства о святых чудесах угодников, пророчествах и небесных знаменьях должны восприниматься читателем, как реалии жизни. Но что означает изображение чуда в “Борисе Годунове”, какой смысл несёт оно?

В связи с этим уместно будет вспомнить, что говорили о чуде православные святые. “Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо, елика хочет” (“когда пожелает Бог, то нарушается порядок природы, ибо Он творит, что хочет”, – поётся в Великом каноне прп. Андрея Критского).

“Чудеса суть действие Божие”, – наставляет Иоанн Дамаскин³. По этим определениям необычные дела, совершаемые диаволом или людьми, им обладаемыми, не есть чудеса.

“Что такое чудеса? – поучает свт. Филарет Московский. – Дела, которые не могут быть сделаны ни силою, ни искусством человеческим, но токмо всемогущею силою Божиею. Например, воскресить мёртвого”⁴.

Совершенно очевидно, что в обрисованном Пушкиным мире оно означает присутствие Бога Отца Вседержителя, “Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым”. По справедливому замечанию М. М. Дунаева, это весть “о воле Творца, поскольку совершаемые чудеса ни о чём ином поведать и не могут”⁵.

Едва ли не единственным отечественным автором, затронувшим мистический пласт “Бориса Годунова”, стал барон Е. Ф. Розен. “Высшая сила, –

отмечал он сразу же по выходе в свет трагедии в 1831 году, – решительно вмешивается в людские дела и представляет пример ужасной кары”⁶. Отрепьеву, продолжал барон, “открывается мир сверхъестественный”, и он “избирается во мстители за Димитрия посредством бесовского сновидения. Мы не видим, каким образом ослепляет он народ и приводит в исполнение своё исполинское предприятие!”⁷. К слову сказать, его эссе было опубликовано на немецком языке и до широкой публики не дошло.

Перейдём же теперь к выяснению значения и смыслов каждого из чудес, явленных нам в “Борисе Годунове”. Отметим, что каждое из них несёт свою конкретную смысловую нагрузку.

Первое чудо: преставление блаженного царя Феодора Иоанновича

Великим чудом является переданная словами Пимена беседа умирающего царя с ангелом (“мужем светлым”):

*...Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор...*

Этот эпизод русской истории был известен поэту из “Повести о честном житии царя и Великого Князя Феодора Ивановича всея Руссии”, составленного Патриархом Иовом, а также “Летописи о многих мятежах и разорении Московского государства...”, правда, в слегка изменённой версии. Из “Бориса Годунова” же явствует, что в тексте был использован именно первый из указанных источников.

Уместно будет напомнить, что царь Феодор Иоаннович является местночтимым московским святым. В “Книге глаголемой описание о Российских святых...” он поставлен в лике Московских чудотворцев.

Был чудотворцем, от мощей которого происходили исцеления, и прославленный в 1989 году во святых первый Патриарх всея Руси Иов, от мощей которого происходили исцеления и иные чудеса. При отпевании Иова “...и во время, егда служаху божественную литургию, на лице сего святейшаго Иова патриарха бысть аки роса велика, Дионисий (архимандрит. – **Б. К.**) же ту росу отираше, и смочиша два полотенца. По отпетии божественной литургии, егда понесоша к погребению, и тогда лицо его бысть светло, яко живу ему сущу”⁸.

Это также не могло не быть известно Пушкину.
Но вернемся к тексту трагедии:

*И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье...
<>
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его, как солнце, просиял...*

Какой смысл несёт в себе это изображённое Пушкиным чудо?

*Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нём во славе безмятежной
Утешилась...*

Отечественное литературоведение видит в этих словах в лучшем случае противопоставление царя Феодора – “Ангела-Царя” (как называет его пушкинский Годунов) царю Иоанну, хотя здесь можно было бы сделать важный вывод: благодать царя – залог спокойствия и процветания державы. Но не делается даже этого. Вопрос же о том, какой смысл несёт в себе в художественном произведении явление “мужа светла”, даже не ставится.

Совершенно сознательно обходит его и весьма авторитетный в кругах американских литературоведов автор К. Эмерсон, вскользь замечая, что

подробности сцены беседы умирающего царя с ангелом и “последовавшее за предсмертным видением “святое благоухание” и “осиянный лик” мертвеца” — “стандартные средства описания смерти святых, и Пимен пересказывает их с уверенностью составителя, приукрашивающего биографию монарха-помазанника Божьего”⁹.

Кавычки, расставленные Эмерсон в тексте, свидетельствуют о её глубокой убеждённости в том, что “этого не может быть, потому что не может быть никогда”. И нельзя не поражаться тому, что маститый по американским понятиям литературовед совершенно не различает пространство литературного произведения, в котором, как минимум, допустим художественный вымысел, и пространство десакрализованной повседневности, в которой живёт сам.

В итоге вопрос о смысле сказанного Пушкиным даже не может быть задан. А ведь всё предельно просто: Пушкин изображает мир, в котором присутствует и являет себя человеку Бог.

Второе чудо: трепетание мёртвого тела убиенного царевича Дмитрия

Вторым чудом, о котором упоминается в трагедии, свидетелем которому становится Пимен, является трепетание мёртвого тела царевича:

*...Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред тёплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал...*

Это трепетание тела описано в Житии царевича Дмитрия свт. Дм. Ростовского. О том же повествовалось в Латухинской Степенной книге, подаренной купцом Латухиным Н. М. Карамзину, который, как принято считать, и ввёл её в научный оборот: “Тело же святого на мног час трепеташа”.

Наконец, о том же самом говорится и в “Летописи о многих мятежах и разорении Московского государства...” — в книге, которую Пушкин внимательнейшим образом читал в Михайловском: “О чудо предивно и ужасно, како мертвенное тело трепеташеся на великой час, аки голубь!”

Однако нигде из перечисленных источников не говорится о том, что мёртвое тело царевича затрепетало при виде убийц. Так что можно с полным правом говорить, что этот эпизод Пушкиным выдуман. Возникает вопрос: “С какой целью?”

Уже в советские времена Б. Г. Городецкий прокомментировал пушкинское изображение чуда так: “По распространённому среди многих народов поверью, убитый судорожно трепещет при приближении своего убийцы”¹⁰.

По мнению О. Р. Арановской, Пушкин “угадал здесь характерное поведение толпы, направляемой коллективным воображением”¹¹. Автор ссылается при этом на статью “Прикосновение к трупу” из “Энциклопедии колдовства и магии”, в которой описываются аналогичные народные поверья.

Ничего не говорится по существу и в Историко-литературном комментарии к трагедии Л. Лотман. Лишь в более позднем комментарии автора отмечалось, что “слово “затрепетал”, возможно, возникло под впечатлением следующих строк Карамзина: “Девятилетний святой мученик лежал окровавленный в объятиях той, которая воспитала и хотела защитить его своей грудью; он трепетал, как голубь, испуская дух, и скончался, уже не слышав вопля отчаянной матери...”¹².

Весьма забавно звучат в связи с этим слова К. Эмерсон, утверждавшей, что “Угличские события являются предметом слухов, клеветы, бреда; даже рассказы очевидцев, таких как Шуйский и Пимен, являются своекорыстными, полными лицемерия и **поддельных чудес**”.

По Эмерсон, смысл изображаемого Пушкиным чуда следует понимать следующим образом: Пимен, не будучи сам очевидцем убийства царевича, тонко манипулирует Григорием и направляет его на путь самозванчества и свержения царя Бориса, то есть готовит его в качестве орудия возмездия царю, поскольку тот, в отличие от Иоанна Грозного, монахов-де не жалует. Любопытно, что мысль заморской русистки, по её же собственным словам, совпадает с трактовкой образа Пимена В. Мейерхольдом.

Идею, подробенную читателю учёной американкой, подхватывает и развивает её соотечественница М. Гринлиф. С её точки зрения, чудо трепетания мёртвого тела может быть объяснено “известными физиологическими

рефлексами, которые следуют за отсечением головы”¹³. Правда, голову царевичу никто не отсекал ни в реальной истории, ни в пушкинской трагедии, но не это для Гринлиф главное. Суть дела, по её мнению, в том, что сам Пимен не был свидетелем убийства царевича, а посему его “показания” не могут быть приняты всерьёз. “Условности “чудесного” повествования маскируют то обстоятельство, что Пимен ничего, кроме мёртвого тела и беснующейся толпы, мгновенно нашедшей нужных ей козлов отпущения, не *видел* – разве только какие-то мелочи”.

Гринлиф почти дословно повторяет Эмерсон, видя в Пимене провокатора, а в Отрепьеве – орудие свержения Годунова¹⁴. Так трагедию Пушкина превращают в сногшибательный политический детектив, триллер и саспенс.

Достоин сожаления то обстоятельство, что в Приложении к “Независимой газете” “Ex Libris” от 3 марта 2007 года на работу М. Гринлиф была опубликована сугубо положительная рецензия¹⁵.

Смысл же чуда трепетания мёртвого тела – в доказательстве вины Бориса. Некоторые авторы справедливо отмечают, что Пушкин нигде не приводит “прямых доказательств” вины Годунова в убийстве царевича. Но именно это косвенное доказательство и создаёт требуемый художественный эффект: вина Бориса становится для читателя бесспорной.

Третье чудо: исцеление слепого пастуха

Третьим чудом в трагедии Пушкина становится исцеление слепого пастуха после его проникновенной молитвы на могилке царевича Дмитрия – история, поведанная старцем Патриарху.

И в этом случае Пушкин ровным счётом ничего не выдумал: всё было взято им из русских источников XVII века.

Принято считать, что исцеления у гроба Дмитрия начались после прославления царевича и перенесения его святых мощей в Москву. Однако в “Житии царевича Дмитрия Угличского” (“Четьи Минеи” свт. Дмитрия Ростовского), которое также изучал Пушкин, сказано: “Царствующу же Борису Годунову на престоле Московскаго государства, начаша во Углече от гроба святаго новаго мученик Дмитрия царевича бывати чудеса и подаватися болящим исцеления, егоже бо прослави Бог на небеси, причислив к лику святых мучеников, того восхоте прославити и на земли, якоже и преждних страстотерпце российских князей, Романа и Давида, от Святополка пострадавших, прославил”¹⁶. “Даде убо сему новому страстотерпцу Российскому царевичу князю Дмитрию ту благодать дабы от честных мощей его источалися целбы недугом человеческим, сие же в почесть и прославление страдалческаго неповинно излиянныя крове, во обличение же и студ изливашым ю. И приходяще о чудесах святаго новаго мученика Дмитрия слух во уши царю Борису, он же возвещающим то смертными прещениями запрещаше, да не яве творят сего в людех”¹⁷. Иными словами, чудеса, согласно русским источникам, известным Пушкину, начались ещё до причисления царевича к лику святых, что и отразил поэт в своей трагедии.

В житии, составленном Дмитрием Ростовским, перечислены чудеса исцеления слепых у гроба царевича Дмитрия: диакона Григория, девицы Мавры, жены Феодосьи, девицы Анны, расслабленного с детских лет сторожа Вознесенского монастыря Симеона, Стефанова сына. Желая исцелиться, он провёл ночь у гроба царевича, заснул и увидел во сне “пришедша к нему отрока младя в светлей одежде и глаголюща ему с запрещением: “востани, что седиши zde; он же воспрянув от сна, исполнися ужаса и ошуты себе быти здрава”.

Как это походит на историю слепого пастуха (“маститого старца”), о котором Патриарх рассказывает Борису и боярам в Царской думе! На это обратил в своё время внимание В. А. Бочкарёв, справедливо отметивший, что, “создавая “Бориса Годунова”, Пушкин вдохновлялся не только летописями, но и житийной литературой”¹⁸.

Иной точки зрения придерживается В. В. Василик. Основываясь на работе С. Ф. Платонова, писавшего, что “в 1606 году жители Углича не могли указать место погребения царевича духовенству, присланному из Москвы за его телом”¹⁹, В. В. Василик утверждает, что эпизод с прозрением старца Пушкиным выдуман, поскольку чудотворения от мощей царевича начались после обретения его мощей²⁰.

Ещё одна американка, С. Сандлер, пишет по этому поводу, что “Патриарх не говорит о том, что он видел или что записал, он пересказывает историю, услышанную от третьего лица”²¹.

Таким образом, мы опять имеем дело с сомнениями американских авторов относительно правдивости “свидетельских показаний”, правда, теперь уже не Пимена, а Патриарха.

Конечно же, такое смешение “правды жизни” и “правды литературы” выглядит весьма забавно. Остаётся лишь догадываться о том, что сказали бы К. Эмерсон, М. Гринлиф и С. Сандлер, доведись им анализировать не “Бориса Годунова”, а, скажем, “Кота в сапогах” или “Красную Шапочку”.

А вот с утверждением американки Сандлер, что “чудесный случай, рассказанный Патриархом, менее всего похож на то, что современники Пушкина могли воспринимать как исторический факт”, не согласиться просто невозможно.

Смысл чуда исцеления старца – свидетельство прославления царевича Димитрия на небесах. Оттого-то царь Борис становится “святоубийцей”, а Гришка Отрепьев, объявивший себе царевичем Димитрием, присвоивший себе его святое имя, – святотатцем и еретиком.

Отечественные историки, как, например, С. Ф. Платонов, и современные западные литературоведы задают прямой вопрос: “За какие подвиги был прославлен во святых царевич Димитрий, если единственным, за что его причислили к лику святых, является то, что он был убит?” Но если для нас вопрос иностранца-атеиста понятен, то как быть в таком случае с православным во святом крещении и атеистом, судя по его работам, историком Платоновым, открыто и цинично усомнившимся в правомерности канонизации царевича Димитрия? “Канонизация царевича Димитрия – одно из препятствий для исследования”, – пишет он А. С. Суворину²². Для Платонова сведения о чудесах, свершившихся при открытии мощей св. царевича Димитрия, были сродни сфальсифицированному полицейскому протоколу. Почти в издевательском тоне писал он о поиске и обретении утраченной могилы царевича – одного из самых почитаемых на Руси святых.

Ответ на вопрос, за что прославлен царевич Димитрий, даёт нам современник Пушкина св. Филарет Московский (Дроздов), проповедь которого, прочитанная в 1822 году, могла быть известна поэту: “Церковь, таинница (хранительница тайн. – **Б. К.**) путей и намерений Божиих, возобновляет и прославляет память их, на тот конец, чтобы приучить нас к мысли о неповинном страдании и соделать нас готовыми предать на сие души наши, если на то будет воля Божия”²³.

От мысли, что мы страждем по воле Божией, – продолжает святитель, – неверующий ужаснулся бы и возроптал бы на верного Создателя. “Но верующий, углубляясь в сию мысль, обретает в ней обильный источник утешения, который растворяет сладостию всякую горечь. Одобряющая и обнадёживающая мысль о воле Божией, о воле верного Создателя, мирит верующего с угрожающею мыслию о неповинном страдании”.

Как говорит по сему поводу святой апостол Пётр, “страждущие по воле Божией да предадут Ему как верному Создателю души свои, делая добро” (1 Петр 4, 19).

Четвёртое чудо: феерический успех Самозванца

Невообразимый успех Самозванца поражал современников. Вот что писал по этому поводу свидетель и очевидец событий И. Масса: “Польские капитаны, дворяне и всадники, придя в уныние, говорили, что невозможно завоевать такую страну, равную целому миру, ибо у них для того так мало силы и войска, говоря: “Ежели мы не можем взять такого маленького городка и каждодневно ожидаем нападения большого московского войска, то что будем делать, когда подступим к большим городам? Всё, что мы приобрели до сих пор, отпало к нам по большей части само; сверх того, мы ссудили его всем без малого вероятно что-либо вернуть”, – и приводили ещё другие подобные жалобы – и впадали в совершенное уныние; того ради Димитрий был весьма опечален, смиренно просил их не приходить в уныние и не впадать в трусость”²⁴.

Сейчас трудно себе вообразить, но Самозванец не взял ни одного города “копьем и мечом”: все города и веси были взяты подметными (“прелестными”)

грамотами – “листочками” того времени. И тут впору вспомнить Наполеона, прошедшего через двести лет прогулочным шагом по маршруту о. Эльба – Париж без единого выстрела, и фюрера, которому поначалу тоже феерически везло.

Успех Самозванца поражал спустя два века и Карамзина, “ведь свергнуть Бориса Годунова с царства замыслили не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, им гонимые, не дети и друзья их. Сие дело умыслил и совершил презренный бродяга именем младенца, давно лежавшего в могиле... Как бы Действием сверхъестественным тень Дмитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить, обезумить убийцу и привести в смятение всю Россию. Начинаем повесть, равно истинную и невероятную”²⁵.

Ему вторил в своём отзыве на трагедию Пушкина историк Н. А. Полевой: “...смелый, сильный, могущий властитель” вдруг нисходит в могилу “от бродяги, дерзкого расстриги, от ничтожной толпы его сообщников... никогда фантазия никакого поэта не превзойдёт поэзии жизни действительной”²⁶.

История Лжедмитрия I полна фантастических и необъяснимых, с точки зрения современного обыденного сознания, событий и явлений, описанных современниками Смуты. И о них историки (назовём хотя бы классиков жанра Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского, не говоря уже о современных учёных) предпочитали говорить либо “для красоты слога”, либо замалчивать, поскольку те явно противоречили неписаному “символу веры”, исповедуемому академической наукой.

И по сию пору остаётся без должного внимания пророчество о Самозванце старца Тихона, ставшее известным ещё до появления на Руси слухов о самозванце: “В одиннадцатое лето по убиении своём (1602 год. – **Б. К.**) явился благоверный царевич князь Димитрий некоему из почтенных старцев, живущих там, в городе Угличе, по имени Тихон, и сказал ему так: “Некто назовётся у вас именем моим царским, сыном отца моего, благоверного царя и великого князя всея России Иоанна Васильевича, и сядет на престоле царском Российского государства, и того властолюбца и губителя моего Бориса с престола свергнет и царства лишит, и весь род его погубит; и сам тот ложно назвавшийся <именем моим> недолго будет царствовать, но жестоко жизни своей лишится и убиен будет; и иные же последуют ему и так же позорно закончат <путь свой>”. И впоследствии всё это сбылось по словам богоизбранного сего венценосца”²⁷.

Впрочем, это уже совсем иная тема.

А что говорят и думают относительно успеха Гришки Отрепьева герои пушкинской трагедии?

Бродяга безымянный ...мог ослепить чудесно два народа, – говорит Отрепьеву Марина.

*Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдёт на трон московский? – говорит Мнишеку Вишневецкий.*

*Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен, – говорит царь Борис.*

Недаром же война с самозванцем становится для него боем с тенью.

Сверхъестественный успех Самозванца Пушкин выразил в высшей степени оригинально: читатель и зритель расстаются с героем в сцене “Лес”, из которой мы узнаём, что всё войско его “побито в прах”. Казалось бы, полная катастрофа. Так нет же! Некие волшебные и потайные силы вносят океанного Гришку в Кремль. Одним этим Пушкин показывает, насколько волен Самозванец в своей судьбе, каковы “пределы и параметры” его “свободы”. Это ли не проявление чуда?

На это смысловое значение сцены “Лес” обратил пристальное внимание В. С. Непомнящий, справедливо отметивший, что Григорий Отрепьев – “только орудие гнева, молния сжигающая и исчезающая. <...> Григорий выполнил миссию, к которой оказался пригоден. Он хотел сделать правду своею служанкой – и сам стал её послушным орудием”²⁸.

*Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, Провиденье...*²⁹, – говорит, глядя на Отрепьева, Га-
вила Пушкин.

Так устами своего героя Пушкин даёт посильное человеку объяснение случившемуся: Провидение. Напомним, что синонимами его являются, по мнению святых отцов, идиомы: Промысл Божий, Божья воля. Именно такое понимание Провидения мы видим в трудах свт. Иоанна Тобольского (Максимовича), прп. Иоанна Дамаскина и др.

То, что Гришка продал душу дьяволу, явствует из его рассказа о чудесном трижды повторившемся сне:

*А мой покой **бесовское** мечтанье
Тревожило, и **враг** меня мутил...
И три раза мне снился тот же сон.
Не **чудно** ли?..*

Ряд авторов полагает, что сон Григория – это некое “пророчество, таинственное чудесное предсказание. Так он воспринимает свой троекратно повторяющийся сон”.

С этим утверждением едва ли можно согласиться: бесовским является именно мечтание о власти, которым соблазняет Отрепьева враг рода человеческого, а сон является предупреждением: “Вот что ждёт тебя, Григорий, если поддашься искушению!” Так Пушкин показывает борьбу ангельских и демонских сил в сердце и душе Отрепьева, оставляя “за кадром” попытки его соблазнения и релаксации.

О том, что являет собой феномен самозванца, говорит Царю и боярам Патриарх: “*Обман безбожного злодея и мощь бесов*”. Это и есть, по Пушкину, формула успеха Самозванца.

Вспомним и эпитеты, которыми награждают Отрепьева пушкинские Патриарх и Игумен: “*Сосуд диавольский*” (Патриарх), “*грамота далась ему не от Господа Бога*”, “*бесовский сын*” и т. д. Но и здесь Пушкин ничего не сочиняет, а лишь дословно воспроизводит эпитеты, которыми награждали исторического Самозванца русские авторы.

Следует отметить, что сыскные дела – так называемые изветы, расспросные и обыскные речи, эти “отчёты руководителей правоохранительных органов” времён, непосредственно предшествующих явлению Самозванца, – свидетельствуют о неслыханном нашествии на Русь всякого рода колдунов, волхвов, чародеев и прочей нечисти. Показательно и то, что в отличие от Лжедмитрия I – “бесовского сына”, inferнальной фигуры – Лжедмитрий II остался в памяти народной всего лишь в качестве вора (“Тушинского вора”) – тривиального государственного преступника.

Кстати, анафему окуяанному Гришке продолжали петь и при жизни Пушкина, так что поэт мог регулярно слышать её в первую Неделю (воскресенье) Великого поста – на праздник Торжества Православия.

Спустя годы он приведёт в своей “Истории пугачёвского бунта” поразительное свидетельство об одном свершившемся чуде, оставленное без комментариев. Вот оно: “. . . колокольня, зашатавшись, в ретраншамент до основания вся обрушилась, и хотя валилась с такою удивительною тихостию, что человека с три на самом верху оной спавших, почти не разбудя, на землю и с постелями их снесло (чему в рассуждении мною уже описанной высоты почти верить трудно), да и пушку, которая также на самом верху была с ея лафетом, безвредно на низ составило, а при том каменье по крепости ни мало не разбросало (ибо по тихости сего падения, все они повалились в одну грудю); однакож по отменной огромности высокого толь строения не могло обойтись, дабы близ сорока пяти человек до смерти не задавило*. Сии несчастные большею частию были егери седьмой команды, из которых несколько человек на самой колокольне для смотра неприятельских в городке движений и в них стреляюща особой пикет имели, другие между церковью и колокольнею на сделанной каменной стене на часах стояли и в особом

* Сверх до смерти подавленных были ещё и такие, человек, я думаю, до 20-ти, которые хотя и живы, по некоторым членам повреждены, зачем и в госпиталь отосланы.

тут же шелашике под часами спали; а прочие из них с сержантом были в своей кибитке, которая подле самой же колокольни была. Кроме сих подавлены и те канонеры, которые при бывших на колокольне пушках находились, казаки и погонщики, которые в колокольне борозду прорывали и кои были при сей работе у присмотру; а несколько подавлено и зевак, которых курioзность тут для одного смотрения завела. Все они, кажется, могут несчастными наиболее потому назваться, что умереть им, по-видимому, нужды никакой не было; ибо со всех сих мест, во ожидании будущего подрыва, можно б было их свести, да и в работу оную лучше б, думается, употребить тех злодеев...³⁰.

Автором письма был капитан А. П. Крылов, руководивший в 1774 году обороной Яицкого городка, — отец великого русского баснописца. Есть ли у нас основания не доверять служившему “отлично благородно” русскому офицеру?

Любопытно, что бывший ленинградский, а позднее американский литературовед А. Долинин тоже не стал комментировать сей отрывок из пушкинской “Истории...”³¹.

Пушкин изображает мир русской истории и Смуты, равно как и всей человеческой истории, в виде взаимодействия зримого и незримого, горнего и дольного миров, в основе которого лежит Божий Промысл. Через десять лет — в 1836 году — он скажет о Провидении как сути истории, “которую нам Бог дал”, в своём знаменитом письме к Чаадаеву от 19 октября. Скажет по-французски: “...telle que Dieu nous l’a donnée”. Но тем яснее смысл сказанного: “такую, какой нам Бог её дал”. И если в русском языке выражение “Бог дал” может рассматриваться в качестве фигуры речи, то, сказанное по-французски, оно имеет совершенно однозначный смысл — “Бог дал”.

И одним из проявлений Промысла Божьего является чудо (“случай”, как называет его Пушкин).

В трагедии “Борис Годунов”, сугубо литературном произведении, Пушкин проявил себя как остро мыслящий историк, возвративший читателя от современного ему и прогрессировавшего день ото дня секулярного взгляда на историю с его поиском “законов общественного-исторического развития” к осознанию истории рода человеческого как результата Промысла Божьего.

А теперь спросим себя: “Как выглядела бы трагедия, обойдись Пушкин без рассказов о чудесах?” Выглядела бы она точно так, какой увидели её многие современники поэта, не обратившие на них внимание, каждый на свой вкус и лад — “бытописанием”, “исторической иллюстрацией”, “картиной нравов”, одним словом, набором “картинок с выставки”, а то и вовсе “галиматьей в Шекспировом роде”³².

Все её интерпретации свелись бы исключительно к истории земной, “посюсторонней” — боярским интригам, недовольству “народных масс”, “борьбе классов”, “дворянскому восстанию”, “крестьянской революции” и даже “демократической революции” (три последних оценки принадлежат перу одного и того же автора — историка М. Н. Покровского)³³. Набор вариантов безграничен. И потому совершенно закономерно молчание авторов, толковавших (и толкующих поныне) трагедию Пушкина исключительно в историко-социологическом, “материалистическом”, в частности, марксистском плане.

И впрямь, какой смысл имеют при таком прочтении отдающее “идеализмом и поповщиной” явление “мужа светла” благочестивому царю Феодору? Или трепетание мёртвого тела Димитрия? Исцеление старца на могилке убитого царевича? Наконец, фантастический успех Гришки Отрепьева?

В этом свете становится понятно, отчего с такой настойчивостью и усердием проводилась в отечественном (и зарубежном) литературоведении мысль о всеограждающей сущности народного” как “двигателя” и “движителя” Смуты — главной причине успеха Самозванца в его безумном и безнадежном, казалось бы, деле войны со всемогущим и мощнейшим государством.

Пушкин вводит в трагедию чудеса, дабы показать, что событиями дольнего мира история не исчерпывается. И, более того, не является собственно историей. История же, по Пушкину, есть Промысл Божий.

Пушкинский взгляд возвращает нас к источнику этих бед и пониманию их первопричины, заключённой в отказе от христианских ценностей (с недавних пор стыдливо именуемых у нас “традиционными”) и фактической подмене их,

что и ведёт к катастрофическим последствиям в жизни человека, народа и государства.

Проявление чуда в трагедии — это свидетельствование о великом и незримом небесном порядке, который никоим образом нельзя нарушать. Все попытки подправить несовершенства жизни путём активного вмешательства могут приводить к последствиям куда более худшим, а посему должной мерой поведения и “инструкцией по выживанию” в земном мире, спасением человека, народа и страны становится жизнь по Заповедям и преодоление искушения своеволием. Так с помощью изображённых в трагедии чудес Пушкин излагает своё видение философии, а вернее, богословия истории России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Раскольников Ф. “Борис Годунов” в свете исторических воззрений Пушкина. // Статьи о русской литературе. М.: Вагриус, 2002. С. 61.
- ² Sermanl. Z. Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin’s “Boris Godunov” // *Slavic and East European Review*. 1986. Vol. 64. № 1. P. 39; Серман И. Свободные размышления. Воспоминания. Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 160.
- ³ Иоаннъ Дамаскинъ прп. Точное изложение Православныя вѣры. Полное собрание творений Св. Иоанна Дамаскина. Томъ I. С.-Петербургъ: Издание Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, 1913. С. 272.
- ⁴ Филарет, свт. Московский. Пространный христіанский катехизисъ Православныя Кафолическія Восточныя Церкви. Издание шестьдесят шестое. Москва, въ Синодальной Типографіи, 1866. С. 15.
- ⁵ Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2003. С. 93.
- ⁶ Розен Е. Ф. Мнение барона Е. Ф. Розена о драме А. С. Пушкина “Борис Годунов” (Из дерптского журнала “*Dorpatser Jahrbücher*”) // Пушкин в прижизненной критике (1831–1833). / Ларионова Е. О. (ред.). СПб: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003. С. 260.
- ⁷ Розен Е. Ф. Указ. изд. С. 263.
- ⁸ Исторія о Первомъ Патріархѣ Іовѣ. // Русская историческая бібліотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссією. Памятники древней русской письменности, относящіяся къ Смутному времени. Томъ тринадцатый. СПб, 1891. Стб. 939.
- ⁹ Emerson C. Boris Godunov: The Shakespeare Connection. // In: *Transpositions of a Russian theme / Caryl Emerson*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, Cop. 1986. P. 128.
- ¹⁰ Городецкий Б. П. Трагедия А. С. Пушкина “Борис Годунов”. Комментарий. Л.: Просвещение. Ленинградское отд., 1969. С. 126.
- ¹¹ Арановская О. Р. О вине Бориса Годунова в трагедии Пушкина // Вестник русского христіанского движения. Париж–Нью-Йорк–Москва. № 143. IV – 1984. С. 151–152.
- ¹² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в двадцати томах. Том 7. Драматические произведения. Примечания. СПб: Наука, 2009. С. 654.
- ¹³ Гринлиф М. Пушкин и романтическая мода. Фрагмент. Элегия. Ориентализм. Ирония. СПб: Академический проспект, 2006. — С. 344.
- ¹⁴ Гринлиф М. Указ. соч. С. 171–173 и далее.
- ¹⁵ Гертман О. Прямо деться некуда. // http://www.ng.ru/ng_exlibris/2007-03-29/11_bitov.html.
- ¹⁶ Св. Димитрий Ростовский. Житіе царевича Димитрія Угличскаго // “Четыр Миней”. Т. 4, Июнь–Август. СПб: Аксион эстин, 2009 // Репринт изд. Киево-Печерской лавры, 1764 г. Л. 28 (оборот).
- ¹⁷ Св. Димитрий Ростовский. Указ. соч. Л. 28 (оборот) и л. 29. В переводе это будет звучать так: “Когда же царствовал Борис Годунов на царстве Московского государства, начались в Угличе от гроба святого нового мученика Димитрия царевича происходить чудеса. Больным подавалось исцеление, ибо кого Бог прославил на небе, причислив к лику святых мучеников, того захотел прославить и на земле, как и прежних страстотерпцев российских князей Романа и Давида (т. е. Бориса и Глеба), от Святополка пострадавших. Ибо дал этому новому

- страстотерпцу российскому царевичу князю Дмитрию ту благодать, чтобы от его честных мощей источались исцеления недугам человеческим. Это же для чести и прославления неповинно изливаемой страдальческой крови, в обличение и стыд пролившим её. И дошёл слух о чудесах святого нового мученика Дмитрия до ушей царя Бориса, он же принеся его под угрозой смерти запрещал, чтобы не разглашали это людям. Ибо стыд и срамота покрывали его лицо и был обличаем внутри совестью, как Каин, сам себя снедал и пытался, окаянный, скрыть светильник под спудом, но не мог утаить величия Божия, которые являлись на том страстотерпце”.
- ¹⁸ Бочкарёв В. А. Трагедия А. С. Пушкина “Борис Годунов” и отечественная литературная традиция. // Учеб. пособие для студентов / В. А. Бочкарёв. Самар. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. Самара: Изд-во СамГПИ, 1993. С. 6-7.
- ¹⁹ Платонов С. Ф. Борис Годунов. М.: Аграф, 1999. С. 174.
- ²⁰ Василик В. В. Солнце русской поэзии и грозы истории: К 180-летию со дня гибели А. С. Пушкина. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018. С. 36-37.
- ²¹ Сандлер С. Далекие радости. Александр Пушкин и творчество изгнания. Серия: Современная западная русистика. Пер. с англ. Г. А. Крылова. СПб: Академический Проект, 1999. С. 110.
- ²² См.: Платонов С. Ф. Письмо А. С. Суворину от 19 июля 1894 года. // Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 тт. / Отв. ред. С. О. Шмидт; Ин-т славяноведения. Том I: Письма С. Ф. Платонова, 1883–1930. М.: Наука, 2003. С. 40.
- ²³ Филарет, митрополит Московский [Дроздов]. Слово в день Святаго Мученика Благовернаго Дмитрия Царевича. // Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Творения. Слова и речи в пяти томах. Т. 2. 1821–1826. М.: Новоспасский монастырь, 2005. Репринт. С. 89.
- ²⁴ Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 84.
- ²⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. В 3-х книгах. Кн. 3: История государства Российского, т. IX–XII / Примеч., словарь М. Зиминой. СПб: ООО “Золотой век”, ТОО “Диамант”, 1997. С. 440.
- ²⁶ Полевой Н. А. Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. СПб, 1831 // Пушкин в прижизненной критике (1831–1833). / Ларионова Е. О. (ред.). СПб: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003. С. 218.
- ²⁷ Житие царевича Дмитрия Иоанновича, внесённое въ Минеи Иоанна Милютина. // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссиею. Памятники древней русской письменности, относящиеся къ Смутному времени. Томъ тринадцатый. СПб, 1891. Стб. 912-913.
- ²⁸ Непомнящий В. С. Пушкин. Избранные работы 1960–1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001. С. 351-352.
- ²⁹ В первом прижизненном издании “Бориса Годунова” 1831 года (с. 121), первом посмертном 1838 года (с. 121), а также последующих изданиях слово “Провиденье” в соответствии с правилами орфографии того времени печаталось с заглавной буквы. И в том был глубокий смысл, поскольку оно является синонимом выражений “Промысл Божий” и “Воля Божья”.
- ³⁰ Пугачёвщина. Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774. // Архивъ князя Воронцова. Книга шестнадцатая. М.: Типографія П. Лебедева, 1880. С. 486.
- ³¹ Dolinin A. Historicism or providentialism? Pushkin’s history of Pugachev in the context of French romantic historiography. // Slavic review (Summer 1999). Vol. 58. № 2. P. 291–308.
- ³² Лазаревскій А. М. (публ.) Выдержки изъ писемъ актёра В. А. Каратыгина къ П. В. Катенину // Русскій Архивъ 1871. № 6. С. 0243.
- ³³ См.: Покровский М. Н. Русская история. Т. 1. СПб: ООО “Издательство “Полигон”, 2002.